Чехов за рубежом

ТОРЖЕСТВО РУССКОГО ИСКУССТВА

Чехов пришел в Болгарию одновременно со своим вступлением на писательское поприще в России, вместе с московскими журналами, в которых он начал печататься. Так издавна повелось, что русская литература, русские газеты и журналы текли в Болгарию мощным потоком.

Чехов сначала нашел своего читателя в тех слоях болгарского общества, которые владели русским языком, а затем размашисто зашагал по журналам, издательствам и театрам Болгарии.

Широко и разносторонне воздействие чеховского творчества на развитие болгарской культуры.

Под его влиянием создавали свои пьесы драматурги П. Ю. Тодоров («Первые») и П. К. Яворов («Когда гром ударит»). Его влияние испытали почти все болгарские писатели, сформировавшиеся в 20—30-х годах нашего столетия.

Писатель социалистической Болгарии Емелиан Станев говорит, что он, как и другие его товарищи по перу, «учился и учится у великого мастера рассказа его бережливости и точности в изобразительных средствах, его изумительной способности несколькими штрихами нарисовать человека».

Но самое большое и самое главное, что могут поставить болгары в заслугу Чехову, это то, что он помог становлению их изумительного художника слова, народного писателя Елина Пелина. Елин Пелин начинал свою литературную деятельность в те годы, когда творчество Чехова было в самом расцвете.

Исследователь творчества Елина Пелина П. Русев сообщает, что он систематически учился у Чехова. Его он считал гениальным мастером короткого рассказа, тонким наблюдателем и непревзойденным стилистом. Не подражая, не заимствуя, Елин Пелин смело пользовался опытом Чехова. Проза Елина Пелина — это проза чеховской манеры.

Сам Елин Пелин говорил: «Мне очень нравятся рассказы Чехова. Я знаю их наизусть. Кто хочет стать хорошим мастером рассказов, тот должен учиться по ним... Я очень благодарен судьбе, что мог в молодые годы узнать русских классиков Чехова и Горького. Они выработали у меня вкус к прекрасному и правдивому...».

Большой след оставил Чехов в болгарском театральном искусстве. Его пьесы прошли во всех болгарских театрах, найдя своих замечательных исполнителей. Стоян Бычваров дал изумительные образы Епиходова («Вишневый сад») и Войницкого («Дядя Ваня»).

Лучшей исполнительницей женских ролей Чехова явилась знаменитая актриса Адриана Будевская. Выступая на ее 70-летнем юбилее 20 февраля 1949 г., Георгий Димитров высоко оценил ее мастерство, говорил об его вдохновляющем воздействии.

Адрианой Будевской были созданы и образы Нины Заречной («Чайка»), Сони («Дядя Ваня»), Вари («Вишневый сад»).

В 1920 году болгары увидели пьесы Чехова на русском языке. Прибывшая тогда на гастроли в Софию группа советских актеров сыграла на сцене Народного театра чеховские пьесы «Три сестры», «Вишневый сад» и «Дядя Ваня».

В наши дни в Болгарии воздают Чехову славу за то, что он будил и поддерживал в людях стремление к прекрасной жизни, за то, что он учит чутко и великодушно относиться к человеку.

100-летие со дня рождения Чехова, пишет газета «Литературен фронт», отмечается в Болгарии как всенародное выражение любви к большому русскому писателю, как торжество великого русского искусства, как демонстрация неразрывных связей советского и болгарского народов.

А. СТЕКОЛЬНИКОВ

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

...Декабрьское утро в Будапеште. Книжная лавка писателей. В широкой стеклянной витрине выставлены новинки издательств. Сегодня в центре внимания всех остановившихся у книжной витрины прекрасно изданный четырехтомник Чехова на венгерском языке. Я вошел в магазин и с волнением взял в руки первое в Венгрии собрание сочинений Чехова. На полотняной обложке — знакомая чеховская подпись, тисненая золотом. В каждом томе около 1 300 страниц, отпечатанных на белоснежной и тончайшей так называемой «библиофильской» бумаге глубокой печатью.

Великолепный подарок сделало издательство «Европа» и редакторы-составители Андраш Апостол и Ласло Вешшели венгерскому народу ко дню столетия А. П. Чехова!

Перед отъездом из Будапешта я зашел к академику - литературоведу Ласло Кардошу — известному популяризатору советской литературы в Венгрии, автору большой и чрезвычайно интересной статьи о Чехове в юбилейном издании.

— Сегодня мы можем сказать, что венгерский читатель знает о Чехове больше, чем любой другой зарубежный читатель в мире. Почти семь десятилетий венгерская литература преклоняется перед величием Чехова. В старой Венгрии в Чехове ценили прежде всего безупречного художника, тщательно отбирающего средства художественной выразительности, мастера особой меланхолии, сверкающей искрами тонкого юмора. В последние 15 лет, кроме этих художественных достоинств, мы увидели в Чехове писателя глубокой человечности, большой разоблачительной силы, смелых мечтаний о будущем. Новое издание, показывающее венгерскому читателю Чехова во всем его величии, как художника и человека, наверняка явится важнейшим этапом в истории знакомства с Чеховым в нашей стране.

Ал. ГЕРШКОВИЧ

САМЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ДРАМАТУРГ

Столетие со дня рождения А. П. Чехова было широко отмечено в Англии по радио и в печати (отмечалось по старому стилю). Видные критики сходились на том, что в Англии Чехов является наиболее популярным из всех иностранных драматургов. Действительно, англичане знают Чехова главным образом по его пьесам, хотя многие его рассказы также переведены. Влияние Чехова на английскую драматургию очень велико. По словам обозревателя газеты «Гардиан» Антони Хартли, «начиная с «Дома, где разбиваются сердца» Б. Шоу и до настоящего времени, Чехов — вот основное иностранное влияние на нашу драматургию».

Впервые произведения Чехова появились на лондонской сцене в 1911 году, когда Английским театральным обществом был поставлен «Вишневый сад». Спектакль, как и появившаяся вслед за тем в печати пьеса, вызвал большие споры. Лондонская публика не поняла чеховского произведения, так как не понимала настроения русской интеллигенции и характера происходившего в России переворота. Было решено, что автор «безнадежно глубоко погружен в русскую меланхолию».

Ничто не могло быть дальше от истины. И в двадцатых годах, когда драматургический метод Чехова стал предметом восторженного изучения, участились попытки вновь поставить пьесы Чехова на сцене. Однако английские режиссеры один за другим терпели провал. Лишь в 1925 году блестящий спектакль Фейгана «Вишневый сад» в Хаммерсмитском театре раскрыл англичанам идею пьесы и ее мастерство. С этого времени и начинается та «любовь к Чехову», которую теперь разделяет вся английская публика. Сами англичане признают, что манера подачи чеховских пьес в Англии — это манера, близкая Художественному театру. До сих пор ведется дискуссия о том, прав ли был Художественный театр, показавший в свой недавний приезд ряд чеховских произведений, как глубоко оптимистичных, полных веры в будущее. Английские режиссеры признают правильной такую трактовку.

Отдавая дань творчеству Чехова, «Гардиан» писала на днях: «Если бы чеховские темы были подняты кем-либо другим, менее одаренным пониманием человеческой натуры и способностью видеть красоту наряду с ясным сознанием действительности, то в результате получилась бы просто констатация окружающего. Чеховское искусство, как всякое подлинное искусство, в этом не нуждается».

Л. БОРОЗДИНА

ЛОНДОН. (По телефону)

ХОРОШАЯ КНИГА

К столетию рождения Чехова в Веймаре (ГДР) вышел массовым изданием однотомник избранных произведений великого русского писателя. В книгу, составленную известными немецкими исследователями русской литературы Гудрун и Вольфом Дювелями, вошли избранные рассказы и повести Чехова и комедия «Вишневый сад». Новое немецкое народное издание Чехова предваряется большой статьей составителей о проблемах чеховского творчества и обстоятельной биографической канвой.

Кроме большой вступительной статьи, книга содержит краткие вводные заметки. В них Г. и В. Дювели пишут о Чехове — мастере короткого рассказа, о Чехове —авторе повестей и пьес. В приложении дается очерк Горького о Чехове.

Чехов горячо любим читателями ГДР. Новая народная книга еще больше приблизит творчество великого писателя России к немецким трудящимся.

УБЕЖДЕННО И СТРАСТНО...

Леонид НОВИЧЕНКО

ВЧЕРА в Кремле закончил работу третий съезд Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Несомненно, большую пользу принесет эта встреча представителей девятисоттысячной армии пропагандистов. Нести в массы передовую науку, воспитывать человека будущего — в решении этих благородных задач лектор и писатель должны идти рядом, плечо к плечу.

Как нигде, у нас любят и понимают художественную литературу, которая глубоко вошла в быт и сознание народа, стала учебником жизни. Литературные итоги последних лет, если их рассматривать во всей совокупности, весьма убедительно говорят о том, что мудрые указания Коммунистической партии, глубокие мысли Никиты Сергеевича Хрущева о необходимости всемерного укрепления связей литературы и искусства с жизнью народа были по-настоящему искренне и творчески восприняты подавляющим большинством писателей как веление их собственной совести.

Для литературных произведений последних лет особенно характерно пристальное внимание к духовному миру человека, к его нравственному и моральному облику, стремление выявить глубокие внутренние импульсы его героических действий и поступков. Оттачивая свою партийную, идейную целенаправленность, наша литература становится богаче и полнее по содержанию, по психологической наполненности, по умению передать многогранную, сложную правду времени, правду мыслей и переживаний нашего современника.

Но обратимся к вопросу: как мы все вместе — лекторы Общества, критики, писатели—содействуем пропаганде и популяризации огромных художественных ценностей, созданных и создаваемых нашей литературой? Эта проблема очень актуальна.

То, что мы давно уже стали страной самой высокой литературной просвещенности, — это несомненно и общеизвестно. Но нельзя не видеть и недостатков, свойственных массовой пропаганде художественной литературы. Пожалуй, самый главный из них заключается в том, что литература в истолкованиях многих наших лекторов, преподавателей и даже критиков-профессионалов чрезвычайно обеднена и засушена в духе тощих схем и шаблонов, лишена художественной, эмоциональной прелести, а отсюда — и всей полноты воздействия на умы и сердца людей. Когда-то Владимир Ильич Ленин рассказывал, что две статьи Добролюбова — об «Обломове» Гончарова и «Накануне» Тургенева, — прочитанные им в молодости, поразили его, как молния. Ох, как далеки мы еще от того, чтобы так воздействовать на сознание читателей и слушателей, говоря даже о самых великих, самых талантливых произведениях своей литературы!

Нужно всячески улучшать стиль, методику, жизненную целеустремленность наших лекций и выступлений о литературе, добиваясь того, чтобы наш читатель умел не только глубоко понимать, но и глубоко переживать явления искусства. Ведь при таком переживании легче и непосредственнее перебрасываются мостики от искусства к действительности, к собственному жизненному опыту человека. А для этого и сами наши лекции и беседы о литературе, оставаясь подлинно научными, должны быть яркими, эмоциональными по форме, по изложению, воспитывать у слушателей хороший художественный вкус, иметь неотъемлемое качество публицистичности, позволяющее тесно связывать явления литературы и явления жизни. Каким чудесным примером является для всех нас пропагандистская и лекторская деятельность такого выдающегося критика-марксиста, как А. В. Луначарский. Ведь он умел буквально потрясать сердца людей своими лекциями о литературе и искусстве и, потрясая, давать этими лекциями, если можно так сказать, высшее политическое, философское, нравственное, художественное образование своим слушателям!

Как не хватает сейчас такой глубины проникновения в предмет, такой философской весомости и идейной наступательности, когда речь идет об объяснении некоторых явлений современной литературы. Надо, например, с полным уважением говорить о талантливом немецком писателе Ремарке. Перед нами действительно крупный художник. Но, спрашивается, почему мы все—писатели, критики, лекторы — так слабо объясняем молодому читателю, которого Ремарк увлек своим несомненным мастерством, что литература социалистического реализма создала и создает образы людей, которые неизмеримо выше по своей человеческой силе и обаянию по сравнению с образами ремарковских героев — честных, порядочных, добрых, но одиноких и не знающих, как бороться с общественным злом? Ведь такое объяснение — наш первейший долг в нынешней идеологической борьбе, которая оказывается все глубже и глубже связанной с тончайшими, сложнейшими моральными и эстетическими категориями.

В пропаганде художественной литературы и искусства, в использовании их идейно-эмоциональной силы для воспитания коммунистического человека необходимы объединенные усилия наших творческих союзов и Общества по распространению политических и научных знаний.

Конечно, есть некоторые специфические различия, например, между публичной лекцией преподавателя литературы — члена Общества и творческой встречей писателя со своими читателями. И пусть эти различия существуют, ибо они интересны и важны для читательской общественности. Но, бесспорно, необходима более дружественная, живая, ежедневная взаимопомощь между нашими организациями. Мы, литераторы, например, были бы очень признательны лекторам Общества, если бы они полнее использовали в своих выступлениях и беседах не только произведения с устоявшейся многолетней репутацией, но и самые последние новинки нашей художественной литературы, в том числе и напечатанные в журналах,— ведь это важно со всех точек зрения, в том числе и потому, что чрезвычайно помогает продвижению книги в читательскую массу. С другой стороны, Союз писателей может и должен значительно больше помогать Обществу и всем его местным отделениям. Интересными, например, могли бы быть встречи лекторов и актива Общества с писателями, посвященные обсуждению волнующих вопросов развития нашей литературы.

Союз писателей мог бы наладить проведение периодических семинаров для актива Общества, не говоря уже о широкой массе слушателей, с периодическими обзорами новинок нашей литературы, обозрениями журналов, с беседами о новых явлениях в той или иной области нашей литературы. Словом, возможности совместной работы широки и многообразны.

Призвание лектора и призвание писателя — почетно и благородно. Будем же неутомимо, последовательно, вдохновенно, убежденно и страстно нести в души людей великую правду нашей эпохи — всепобеждающую правду коммунизма.

Г. РЫКЛИН

ЛЮБИМАЯ РОЛЬ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

...ЛЕСА украшают землю, они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью, и я...

Нет, насчет березки это я не туда залезла. Еще раз сначала.

«Леса украшают землю, они учат человека понимать прекрасное»... (заглядывает в тетрадь) «...и внушают ему величавое настроение»...

Вы, конечно, давно догадались, что это я учу роль Сони из чеховской пьесы «Дядя Ваня».

Нет, это чрезвычайно интересно. Михаил Львович каждый год сажает новые леса... Он хлопочет, чтоб не истребляли старых. Если вы послушаете его, то согласитесь с ним вполне.

Это опять-таки не я говорю, а Соня говорит. Но я с ней вполне согласна.

Лес — это, действительно, чудесная штука. Недаром сейчас колхозники борются за лесозащитные полосы. Долой пески и суховеи! Это уж говорю я, а не чеховская Соня из пьесы «Дядя Ваня».

А вообще с этой пьесой у меня связаны очень интересные воспоминания. И всякий раз при этих воспоминаниях я немножечко краснею. Сейчас тоже? Нет? Странно. Ну нет, и не надо.

Позапрошлым летом в воскресный день поехала я в Киреевку к знакомым — это большое село в восемнадцати километрах от города. Поезд приходит туда рано утром. Иду я не спеша по селу и, как полагается для городской жительницы, любуюсь природой — облаками, травой, цыплятами.

Вдруг вижу на скамеечке у одного веселенького палисадника сидит старичок. Стариков на белом свете много. Можно определенно сказать, что господь-бог свой план по старинкам и старухам давно выполнил и перевыполнил. Так что ничего удивительного нет, что на скамеечке у палисадника сидел старичок.

Но это был редкостный старичок. Особенно он выделялся на фоне сельской местности. Вы представьте себе: на улице жарко, душно, а он в пальто, в калошах, в перчатках и вдобавок с зонтиком и с козлиной бородой.

Нет, это не наш старичок. Он будто бы взят из музея и посажен сюда на скамеечку.

Наши старички бодры и жизнерадостны. Они зимой на коньках катаются, а летом, если и болеют, то или за «Динамо», или за «Спартак».

А этот, видно, круглый год болеет за самого себя и не столько болеет, сколько жалуется на всякого рода недомогания. И болезни у него все заграничные, импортные и все оканчиваются на «ит» — радикулит, миокардит, трахеит, рахит. И чихает он, надо полагать, по-французски:

— Апчхит... Апчхит...

И представьте себе — какое совпадение: только я поравнялась с ним, как он чихнул, раз, другой, третий — этак с чувством, с толком, с расстановкой.

И я самым деликатным образом пожелала ему доброго здоровья.

— Будьте здоровы,— сказала я.

Он ответил:

— Спасибо.

А вслед за этим странно посмотрел на меня и произнес такую фразу:

— Нет, мне душно... Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая... Который теперь час?

Я ответила. Он помолчал, затем самым серьезным образом сказал:

— Говорят, у Тургенева от подагры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Сначала я думала, что старичок не в себе и заговаривается. Но вскоре я убедилась, что он вполне в своем уме, а только любит ворчать и брюзжать.

От нечего делать (мне еще рано было идти к своим знакомым) я присела на скамеечку подле старичка и начала, елико возможно, утешать его. Дескать, нечего отчаиваться, сейчас не старый режим, сейчас старикам везде у нас почет.

Но он не хотел меня слушать, махнул рукой и не своим голосом так закричал на меня, что я, признаться, даже малость испугалась.

— Я не глуп и понимаю,— кричал он.— Ты молода, здорова, красива...

— Спасибо, — сказала я и густо покраснела.

— Постой!—кричал старик.— Не мешай. Ты жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю?

«Он действительно рехнулся,— подумала я с ужасом.— Но любопытно — за кого он меня принимает?»

— Успокойтесь! — сказала я. — Успокойтесь, ради бога.

Но он не слушал меня и продолжал греметь на всю улицу.

— Конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освобожу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Потом он вдруг утих, замолк, вытер платком вспотевшую от натуги лысину и расслабленным голосом обратился ко мне:

— Душно... Соня, дай мне капли.

Соня... Почему Соня? Какие капли? Я ему и говорю:

— Во-первых, тут нигде нет никаких капель. Во-вторых, я не Соня. Видимо, вы меня приняли за кого-то...

Он мне отвечает каким-то другим, молодым, бодрым голосом:

— Видимо, и вы меня приняли за кого-то другого.

И тут же он снимает левый ус и кладет его в правый карман. Снимает лысину и прячет ее в боковой карман. Зонтик бросает на землю, а козлиную бороду и перчатки опускает в левый карман. Затем снимает с себя пальто, калоши, но впопыхах забывает снять правый ус, и вот передо мной предстал добрый молодец лет двадцати шести, усатый на один ус.

— Разрешите познакомиться, —говорит,— Полушубкин Евгений Федорович.

— Полушубкин? — говорю.— Знакомая фамилия. Вы часом не работаете у нас в горсовете?

— Как же? — отвечает. — Я секретарь горсовета.

— Вот как! — говорю я.— А я думала, что вы безусый юноша. Оказывается, все-таки один ус у вас есть.

Он срывает с себя этот ус и затем просит меня извинить его за невольный розыгрыш. Оказывается, во всем этом виноват писатель Чехов, Антон Павлович. Работает он в городе, в горсовете (не Чехов Антон Павлович, а Полушубкин Евгений Федорович), а живет в Киреевке. И вот сельский драмкружок затеял поставить «Дядю Ваню» Антона Павловича Чехова. А Полушубкин в этой пьесе должен играть роль капризного профессора Серебрякова.

— Чтоб лучше войти в свою роль,— говорит мне этот великий артист Полушубкин,— чтобы лучше освоить ее, я все выходные дни хожу в гриме и в одежде этого самого Серебрякова. Родная мама и та не узнает.

Бог с ней, с родной мамой! Она ведь не артистка, его родная мама. А я артистка и так обмишурилась. И ведь он со мной все время разговаривал словами из роли профессора Серебрякова, а я не узнала. «Душно... Соня, дай мне капли». И я не узнала. Какой стыд! Какой позор! Сельский любитель посмеялся над настоящей артисткой. Ей-ей, он сыграл недурно. У парня есть определенное дарование. И вообще того... Неглупый молодой человек.

Все это пронеслось в моей голове, когда я сидела в то утро возле Полушубкина. Потом он меня познакомил с другими членами драмкружка. (Кстати, Астрова играл лесник Богданов — он чудесно произносит монолог о лесах). Потом я побывала у них на репетиции. Потом я в городе несколько раз встречалась с... Ну, это вас не касается.

Но обида, как заноза, засела в душе моей. И я решила во что бы то ни стало отомстить Полушубкину.

Думала, думала и придумала. А придумала поймать его на бюрократизме. Да, друзья мои, на бюрократизме, который, надо полагать, буйно процветает у него там, в горсовете.

И вот переоделась я и загримировалась древней старушкой. Ну, думаю, Евгений Федорович, теперь держись. Мастер ты любезничать с молодыми девушками, а каков ты будешь с божьей старушкой. Тут я над тобой тоже посмеюсь, дорогой товарищ Полушубкин. И, кстати, увидишь, какая я артистка!

Прихожу я вечером в таком старушечьем виде в горсовет— подбородок у меня трясется, руки трясутся. Шамкающим голосом говорю:

— Мне бы к товарищу Полушубкину.

Решила, что он меня, конечно, не примет, а я по этому случаю подниму шум:

— Понасажали тут на нашу голову бюрократов!

Но не тут-то было. Без всякой волокиты просят меня в кабинет Полушубкина. Захожу, он поднимается, подвигает стул и любезно, с улыбкой просит садиться.

Чувствую, что программа моя проваливается. Ну, коли так, думаю, начну тебя выводить из терпения. И начинаю ему нудно и длинно рассказывать про какую-то выдуманную мной жилищную склоку. Камень бы возопил! Конь бы не выдержал! А Полушубкин терпеливо слушает и даже записывает в блокнот.

Битый час я его терзала, а он —ничего. И вот до сих пор не понимаю — или он действительно не бюрократ, или же он, хитрец, узнал меня.

И даже теперь, когда мы... поженились... я толком не могу получить ответ на этот вопрос. Я его спрашиваю, а он смеется.

Ох, заболталась я тут с вами. Надо учить роль, мою любимую роль.

...Леса украшают землю, они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение...

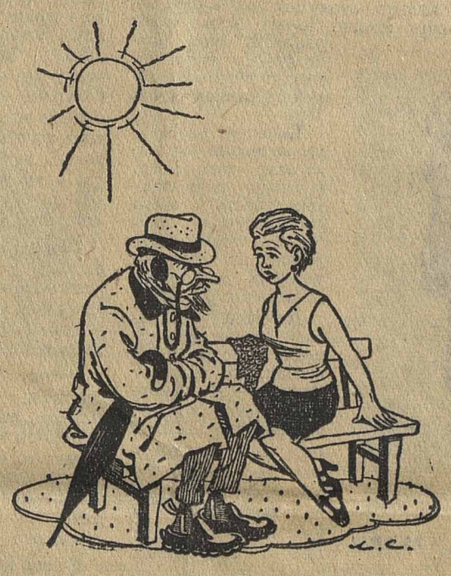

Рис. Л. Сомова

Президиум правления Московского отделения Союза писателей РСФСР с прискорбием извещает о смерти члена Союза писателей РСФСР, драматурга

Николая Дмитриевича ДМИТРИЕВА

и выражает соболезнование семье покойного.

Я ЕМУ ОБЯЗАН МНОГИМ...

СРЕДИ многочисленных писем Антона Павловича Чехова имеется одно, датированное 23 января 1903 года. Оно адресовано молодому врачу Александру Борисовичу Бернштейну.

А. П. Чехов с О. Л. Книппер в Андреевском санатории. Июнь 1901 года.

(Снимок из архива С. Бернштейна)

Подлинник этого письма и несколько любительских фотоснимков Чехова и его жены я бережно храню как драгоценную реликвию. Ведь Чехову я обязан и как человеку, сделавшему для меня многое, и как писателю, учившему нас, в ту пору юнцов, понимать жизнь.

Антон Павлович, получив 23 января 1903 года письмо от А. Б. Бернштейна, в тот же день ответил ему, а 24 января в письме своем к жене между прочим сообщал ей: «Получил письмо от Александра Борисовича, того самого студента, серьезного, который был в Андреевской санатории чем-то вроде вице-директора. Спрашивает, как здоровье, и кстати извещает, что уже врач. Тебе кланяется». Санаторий, о котором упоминает Чехов, находился в б. Уфимской губернии в Белебеевском уезде. Антон Павлович для лечения легких избрал этот кумысный санаторий, куда и уехал сразу же после того, как обвенчался с О. Л. Книппер.

Брат мой, еще будучи студентом последнего курса университета, был заместителем директора этого санатория и, как куратор, познакомился с Антоном Павловичем и его женой, ежедневно с ним встречался и беседовал. Чехов часто расспрашивал об интересных случаях в медицинской практике и сам иной раз рассказывал о таких случаях в его врачебной деятельности. На всех больных, на персонал санатория Чехов производил неотразимое впечатление своей непосредственностью, какой-то особой милой простотой, общительностью.

Всего лишь месяц пробыл Чехов с женой в санатории. Антон Павлович чувствовал себя физически неплохо, но жаловался на строгий режим и скуку. Не было у него, как в Ялте и в Москве, часто навещавших его друзей. Скрашивал он свое пребывание в санатории поездками на таратайках в степь, которую он так любил и так изумительно описывал в своих произведениях.

Страстный рыболов, он и здесь ездил не раз удить рыбу на чудесную речку Дёму, убеждая и моего брата приобщиться к этому занятию.

После отъезда из санатория Чехов несколько раз сообщал Александру Борисовичу о состоянии своего здоровья. Однажды, узнав от брата, что я по окончании гимназии из-за существовавшей тогда процентной нормы для «инородцев» не могу поступить в университет, Чехов невероятно возмущался и говорил: «Неужели правительство не поймет всей этой гнусности? Когда же, наконец, отменят этот варварский закон!»

По своей инициативе Чехов написал попечителю Киевского учебного округа Вельяминову-Зернову письмо, в котором просил посодействовать мне. Одновременно Антон Павлович написал брату: «...Опять генералы не помогли брату Вашему попасть в университет. Бывает, что профессора не помогают больному, а глядишь, простой деревенский фельдшер что-то посоветовал, прописал и больной выздоровел. Чем черт не шутит, а вдруг Бельяминову станет стыдно...»

Чехов вскоре узнал, что я принят в университет. Он порадовался за меня и писал по этому поводу Александру Борисовичу: «...Поздравьте Сергея — видите, деревенский фельдшер помог. Есть на Руси порядочные люди и совесть у них есть и стыда боятся...»

Без малого шестьдесят лет прошло с тех пор, но я по-прежнему с сердечной благодарностью и волнением думаю об этом великом гуманисте, сыгравшем такую роль в моей жизни. В какое счастливое время живет наша советская молодежь, перед которой открыты все двери к получению любого научного образования, — не знающая ни сословных, ни национальных ограничений!

С. Б. БЕРНШТЕЙН

КОМСОМОЛЬСК-на-АМУРЕ

Главный редактор В. ПОЛТОРАЦКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БИКЧЕНТАЕВ, М. ДУДИН, А. ДЫМШИЦ (зам. главного редактора), Л. ЛЕОНОВ, М. МАРФИН, Е. ОСЕТРОВ (зам. главного редактора), Е. ПЕРМИТИН, Н. РЫЛЕНКОВ, Я. СМЕЛЯКОВ, В. ТЕЛЬПУГОВ.

«Литература и жизнь» выходит три раза в неделю: в среду, пятницу и воскресенье

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Телефоны (коммутатор — К 5-00-00): секретариат — доб. 1-88, отделы: критики и библиографии — доб. 1-86, национальных литератур — доб. 40, внутренней жизни — доб. 10, международной жизни — доб. 1-98, писем — доб. 36 и 1-97, литературы и искусства — Б 8-58-94, информации — К 4-01-88, издательства — К 4-11-68.

Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б 0-24-24